Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт. 2021» - Публицистика

Номинация «Публицистика» 2021

Беляева Зоя Игнатьевна (персональный номер участника - 79)
Кулинченко Вадим Тимофеевич (28)
Брагин Никита Юрьевич (91)
Гальцова Дарья Николаевна (95)
Синицкий Геннадий Николаевич (39)

Первое место (золото) и звание лауреата. **Беляева Зоя Игнатьевна –** родилась в селе Верея Орехово-Зуевского района Московской области. Семимесячным ребёнком была привезена в Калининградскую область. Окончила филфак Калининградского госуниверситета. Член литературного объединения «Вдохновение» города Багратионовска. Живёт в поселке Долгоруково Багратионовского района Калининградской области.

Победитель (серебряный лауреат) нашего конкурса 2020.

Он вошёл в мою жизнь

Когда-то, в далёком 1965 году, будучи старшеклассницей, я влюбилась в творчество замечательного татарского поэта Мусы Джалиля. Очень прочувствованно и выразительно читала его «Варварство» на всех литературных вечерах и патриотических праздниках. И всегда занимала первые места. О нём часто писали в газетах, его стихи постоянно звучали по радио. И мне казалось, что равного Мусе Джалилю в Татарстане поэта нет. Я и не подозревала о существовании не менее талантливого татарского поэта Фатиха Карима (Фатиха Валеевича Каримова), легендарной личности, человека яркого, многогранного, самобытного.

Впервые я услышала это имя в 1985 году, когда стала работать учителем русского языка и литературы в Багратионовской средней школе. Мой класс вместе с другими классами ухаживал за братскими могилами на воинском мемориале. Памятник Фатиху Кариму стоял особо. Возле него всегда лежали живые цветы. Я долго разглядывала памятник, читала надпись. Отметила про себя: «Всего-то 36 лет. Что же он успел? А я вот ещё ничего значительного не успела сделать в своей жизни. А ведь мне тоже тридцать шесть». О том, где и как погиб Фатих Карим, мне рассказала учительница истории Т.Ф. Орешкина. К сожалению, она мало что знала о нём как о поэте. В школьной и районной библиотеках ни сборников его стихов, ни книг о нём я не нашла. Было обидно. Так хотелось поближе познакомиться с поэтом, погибшим недалеко от нашего города. Погибшим за Родину и за право этой земли вечно называться российской.

И вот три года назад в читальном зале районной библиотеки я увидела книгу о Фатихе Кариме, просмотрела её, бегло познакомилась с биографией, прочитала несколько стихотворений. И ахнула, узнав, через какие испытания ему пришлось пройти в годы репрессий, позавидовала его жене и другу Кадрие Ишуковой, которую так сильно и преданно любил поэт. Его стихи оказались мне

близкими и понятными, хотя их написал человек другой национальности и другой веры. Я подумала, что искусство действительно духовно объединяет людей, убирает временные и национальные границы, учит нас культуре общения, взаимопониманию, взаимодоверию.

Когда я в 2019 году написала стихотворение о Фатихе Кариме и стала дипломантом Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт», меня ждала такая награда, о которой я даже не смела и мечтать. В подарок от Лейлы Фатиховны я получила сборник стихов её отца. Что там этот диплом! Он для меня ничего не значил. А вот сборник стихов и поэм Фатиха Карима... Это же клад! Это такое сокровище! В этот же день я не отрываясь прочитала всё, а потом целый месяц перечитывала наиболее полюбившиеся стихи. Выпросила в читальном зале районной библиотеки единственный экземпляр книги Рамиля Сарчина «Жизнь и судьба Фатиха Карима», долго её держала, прочитав от корки до корки и выписав отдельные места. Стихи наложились на биографию, отзывы друзей и родственников обогатили и то и другое. Вот теперь Фатих Карим стал мне по-настоящему близок и понятен. И я подумала о том, что не зря меня неодолимо тянуло узнать о нём побольше ещё тогда, в далёком 1985 году.

Какой же он, мой Фатих Карим? Каким он предстал передо мной?

Это прежде всего человек, который вместе с поэтическим даром унаследовал от родителей доброту и чуткость к людям. Он не оставил в беде Кадрию Ишукову, когда её исключили из комсомола и техникума. У него было много друзей. И не только писателей. Он был любимым командиром у бойцов его сапёрного взвода. Во время коротких передышек он любил поговорить с каждым солдатом о его семье, поддержать, подбодрить. Говорил, что когда они приедут домой после войны, как любезно их будут встречать жена, дети, сестра, отец и мать. Бойцы его взвода в день гибели Ф. Карима 19 февраля 1945 года поклялись над телом своего любимого командира отомстить врагу и эту клятву выполнили с честью.

На фронте бушуют,
В сердцах закипев,
Священная ярость
И праведный гнев.
На фронте и дружба
Безмерно сильна,
Не словом, а кровью
Она скреплена.

«Снайпер»

По мнению татарского поэта Сибгата Хакима, «он весь скрипел от чистоты, был честен до детской наивности». Когда в комитет комсомола землеустроительного техникума пришли две анонимки о том, что Фатих Каримов и Кадрия Ишукова при поступлении скрыли своё непролетарское происхождение (он – сын сельского муллы, она – дочь предпринимателя), их исключили из комсомола, а Кадрию и из техникума. Будучи секретарём комсомольской ячейки, он мог бы скрыть эти заявления, порвать их. Но он этого не сделал, будучи кристально честным человеком. Он

надеялся на разум и чуткость этих людей.

Меня не пугает кончина,
И если сомкнутся уста –
Как чистые слёзы младенца,
Была моя совесть чиста.

«Дикий гусь»

Когда в газетной статье его оклеветал бывший второй секретарь обкома ВЛКСМ Л.Г. Гильманов, назвав его антисоветчиком и членом троцкистской группы, а его героическую поэму «Аникин» – клеветой на Красную Армию, началась травля поэта в критических статьях. Его перестали печатать. Семья осталась без средств к существованию. Фатих Карим перебивался случайными заработками, отправив жену с детьми в Уфу к сестре. Держал от неё втайне свои трудности. Не жаловался на судьбу. Никого ни о чём униженно не просил. Крепкий характер!

Собрать бы мне на площади большой
Всех подхалимов и клеветников,
Тупым ножом отрезать языки
И бросить их голодной своре псов.

«Как арбуз»

Когда он из-за клеветы Л.Г. Гильманова оказался под следствием по самой страшной 58 статье, он стоически переносил унижения, оскорбления, рукоприкладство следователя, изнурительные многочасовые допросы, он не мог перенести лишь одного – бесчестности, предательства друзей. Хотя их можно понять. Многие не выдерживали пыток, угроз разделаться с их семьями и шли на сделку со следователем и своей совестью, оговаривая своих друзей и самих себя. А потом они приходили к нему в тюрьму и просили прощения. Он отчаянно боролся в одиночку, доказывая, что все эти обвинения смешны и нелепы, писал во все судебные инстанции, борясь не за жизнь свою, а за то, чтобы ему дали право продолжать приносить пользу стране. «Я был и есть всем своим существом советский поэт и им остаюсь при любых условиях». Приговор – 10 лет тюрьмы и лагерей – тоже не сломал его, а только закалил. Несмотря ни на что, он продолжал верить в торжество разума и справедливости и был предан своей родине.

Итак – я нынче без друзей, но одному
Целую руки, низко голову склоняю
Пред ним, верней, пред ней, единственной, кому
Я верю, как себе, кому судьбу вверяю.

В разлуке долгой извелась ты, как и я,
Живёшь-дрожишь листом осенним в пасти ветра,
Моя жена, моя родная Кадрия,
Мать дочерей моих, любовь моя и вера.

«Истосковавшись по тебе, я возвращаюсь»

Когда его освободили, он радовался тому, что «теперь он и душой и телом вместе со своим народом. Теперь слева и справа – свои, а враг – только перед тобой». Не пробыв дома и месяца, он уходит на священную войну. Идёт по зову своей души, своей совести. Этому он радовался от всей души.

Сегодня Родина в огне.
Ей тяжко дышится в дыму.
Страна моя, доверься мне,
Бойцу и сыну твоему.
«На пушечном лафете»

За эту кроху, за тебя, родная,
Иду на бой, оружие сжимая,
За Родину, которую люблю,
И ни на шаг назад не отступлю.

«Клятва»

Нужно выполнить главный обет нам:

Не вернёмся в родительский дом,
Если знаменем нашим победным,
Слёзы Родины мы не уймём.

«Солдатский путь»

Пройдя боевой путь от рядового до лейтенанта, командира сапёрного взвода, он проявил храбрость и героизм. И мстил врагам за сожжённые города и сёла, за слёзы матерей и детей, за поруганную русскую землю. За мужество и героизм Фатих Карим награждён орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны I степени». Он воевал не только с помощью оружия, но и с помощью стихов. Цикл военных стихотворений – самый сильный в творчестве Фатиха Карима. Самый выстраданный, наполненный глубокими чувствами и переживаниями. Его патриотические стихи поднимали солдат в бой, стихи о доме, о любви, о дочках согревали им душу.

А как он умел любить! Каким он был нежным, заботливым, внимательным мужем и отцом. Кадрия Ишукова напишет в дневнике 9 января (день его рождения) 1951 года: «Он меня понимал с одного взгляда, таким был чутким, хорошим, родным». Он заботился о том, чтобы семья не бедствовала, чтобы дети не голодали, росли здоровыми и радовались жизни. С первых дней их жизни отец всегда был рядом. Даже находясь в тюрьме – рядом. Он никогда мысленно не выпускал их из своих объятий. Они ощущали это по его заботливым письмам и отвечали ему трогательной детской любовью. Писали письма на фронт и подписывали их так: «Говорили Ада и Лейла, писала мама».

Счастливы будьте, растите, дочурки мои,
Звёздами радости вам над землёю сиять,
Лишь за одну только вашу слезинку готов
Я десять раз свою жизнь, если надо, отдать.

«Доченька Ада, сегодня тебе исполняется три...»

Племянница Ф.Карима Зухра Муратова вспоминала: «Кадрия – необыкновенно мягкая, добрая и скромная женщина. Между ними была глубокая любовь, дружба и взаимопонимание. Они были схожи красотой своих душ, по великой человечности, по высокой честности и чести, по огромной скромности».

Как цвет черёмухи, как вешний цвет,
Твоя душа чиста, благоуханна.
Ты мой цветок, встречающий рассвет,
У сердца, разгоревшегося рано.

Ты – счастье для меня в годах лихих,
Ты – боль моя, что в сердце отдаётся,
Мать Ады с Лейлой – дочерей моих,
Моя луна ты, и моё ты солнце.

«Кадрия»

Но прежде всего Фатих Карим был поэт, и поэт истинный. Он не мыслил себя вне поэзии. Извинялся в письмах к жене, что загружает её своими издательскими проблемами, и объяснял, что без этого он жить не может. Он и так на целых 7 лет был отлучён от читателя, а это трагедия для поэта. Он торопился писать. Ему есть что сказать читателю. Он столько увидел, пережил и выстрадал за годы заточения и годы войны, что этих впечатлений хватило бы на несколько томов его стихов.

Да, я рождён,
Чтобы звенеть струной,
Жить-пламенеть
С неправдой в споре.
И сердце гонит волну за волной
В поэзии безбрежном море...

«Казань»

Война. Кромешный ад. Огромная физическая усталость. Постоянное ощущение смертельной опасности. А он пишет нежные, светлые, пронзительные стихи о любимой женщине, о дочках, о малой родине. Замечает красоту берёз на закате, любуется полётом птиц, первым подснежником, белой бабочкой, слушает пение скворца. И выражает свои мысли и чувства по-пушкински просто, лаконично и необыкновенно изящно. Сколько жизнелюбия, доброты, сколько нежности ко всему живому в этом человеке! А какое у него тонкое чувство юмора! А какой он большой мастер ролевой лирики! Он умеет психологически точно перевоплощаться в мужчину и женщину, старика и ребёнка. Многие его стихи написаны в ритме народных мелодий. Одни – словно лирическая песня, другие – словно озорная частушка.

В сороковые годы Фатих Карим был на взлёте своего поэтического дарования. Он вернулся к читателю. Он был уверен в том, что его стихи станут достойным вкладом в поэзию Татарстана, что он оставил свой заметный след на земле.

Убьют меня, но жизнь продолжат дети
И Родина моя продолжит жить.

Останется наш мир, земля родная
И на лугах пурпурные цветы.
Останется мой след в цветах, я знаю,
И песни, что сложил я по пути.

Мне не обидно распроститься с жизнью,
В бою погибнуть не обидно мне.
Гимн жизни на земле – свою Отчизну
Спасти ценою жизни на войне.

«За Отчизну»

Кадрия Ишукова была не только любящей женой, но и верным другом и соратником мужа в делах творческих. Именно благодаря ей до нас дошли воспоминания о Фатихе Кариме и его творческое наследие.

Мне кажется, что всей своей короткой, но яркой жизнью он оправдывал имя, данное ему при рождении. В переводе с арабского Фатих означает «победитель». На долю Фатиха Карима выпали тяжелейшие жизненные испытания. Судьба словно проверяла его на прочность. И, несмотря ни на что, из всех испытаний он выходил победителем.

Вот таким вошёл в мою жизнь замечательный татарский поэт Фатих Карим и не уйдёт из неё никогда.

Второе место (серебро) и звание лауреата. **Кулинченко Вадим Тимофеевич –** родился в 1936 году в городе Острогожске Воронежской области. После окончания Высшего военно-морского училища Подводного плавания в 1958 году проходил службу на Северном флоте. Служил на дизельных, атомных лодках и в штабе Северного флота, капитан 1 ранга в отставке, ветеран-подводник, участник боевых действий. (Израильско-Египетская война 1967 года, боевая служба в Средиземном море на атомной подводной лодке «К-131»). Неоднократный победитель нашего конкурса (лаурет и дипломант 2018, 2019, 2020) в номинациях малая проза и публицистика.

Живёт в г. Балашиха, Московской области.

Блицкриг

Сам термин «блицкриг» (молниеносная война) был создан не немцами, а журналистами, описывающими вторжение в Польшу. В основном принципы этой войны были разработаны английскими военными теоретиками и молодым французским офицером, опубликовавшим в 1937 году работу со сходными идеями, звали этого офицера де Голль. Тогда на это никто не обратил внимания.

Почему не было предотвращено вторжение в Польшу? Неужели это было так неожиданно? Этот вопрос не рассматривается западными историками. Зато вопрос вторжения германских войск на территорию СССР муссируется со всех сторон. При этом, основная вина опять таки возлагается на СССР, а персонально на И. Сталина. Конечно, часть вины лежит и на нём – хотел перехитрить Гитлера, не поверил разведке, не поддался на "провокации" – всё это тяжело отразилось на стране. Но в конечном итоге, блицкриг, начатый Гитлером 22 июня 1941 года, не удался.

Схожих моментов в истории множество, но почему-то большой интерес вызывает внезапное нападение Германии на СССР в 1941 г. Явно в этом просматривается цель опорочить Союз и его руководство. А между тем, в подобной ситуации оказались и американцы, когда японцы седьмого декабря 1941 г. устроили им Пёрл-Харбор. Но об этом историки предпочитают умалчивать.

А между тем, война между США и Японией назревала ещё до Пёрл-Харбора. Ухудшение отношений между двумя странами началось после вторжения Японии в Китай, и достигла своего пика, когда США объявили эмбарго на экспорт в Японию, отрезав её от источников снабжения

нефтью. Кроме того, Япония видела в США и Англии западных империалистов, препятствующих ей создать собственную «Великую восточно-азиатскую империю». Японцы были вполне искренни в своём азиатском походе.

Американцы понимали это. Разгаданный ими японский дипломатический шифр позволял им читать переписку между посольством Японии в Вашингтоне и Токио, из которой они сделали неправильный вывод, что нападение японцев будет направлено против одной из азиатских целей, скорее всего Малайи или Филиппин. Этот неправильный вывод и беспечность янки дорого обошлись им. Одновременно с Пёрл-Харбором японцы открыли дверь и в Малайю. Но об этом стараются не вспоминать.

Из Пёрл-Харбора американцы сумели извлечь уроки, что позволило им четвёртого июня 1942 г. одержать победу у о. Мидуэй, которая, стала для них подобна победе русских под Сталинградом. Мидуэй стал поворотным пунктом в войне на Тихом океане.

В своём блицкриге японцы явно просчитались, а американцы проморгали его. Управление, как и ведение войны, не является точной наукой. В ней не всё можно предусмотреть. Мощь США и Японии были несопоставимы, и японцы безрассудно ввязались в войну, выиграть которую у них не было не малейшего шанса. Было одно желание, а этого мало!

Ведение войны не является точной наукой, и этому наглядный пример операция «Овер лорд», которую сегодня на Западе, особенно в США, преподносят чуть ли не основой победы во второй мировой войне. К слову, сразу после войны о ней было другое толкование. Западные историки, отдавая все лавры в этой победе союзным войскам, забывают или не хотят «глубоко копать», что победе десанта в этой операции во многом содействовали сами немцы. Не вызывает сомнения, что фашистское командование знало о готовящейся операции, предполагало её объём и значение, но изюминкой в этом был день «Д» начало операции и район высадки.

Основные силы германских армий были сосредоточены на восточном фронте, и расчёт фашистов при отражении западных союзнических сил был гораздо глубже поверхностного сражения. Если на Тихом океане фанатичные японцы в своём блицкриге готовы были идти до конца, то их союзник гитлеровская Германия, ощутив приближение поражения, пыталась выторговать себе сепаратный мир на Западе путём сопротивления…

Для немцев важным было знать не только место высадки, но день, чтобы сосредоточить основные силы на угрожающем направлении. Если учесть радиус действия авиации прикрытия, то наилучшими местами высадки считались районы Па-де-Кале и Нормандии. Район Па-де-Кале имел ряд преимуществ, но его сделали отвлекающим, а основным Нормандию. Немцы поддались на эту уловку. Но это было не единственное средство дезинформации. Были и другие, как-то попытка освобождения Норвегии…

Удаче вторжения союзников сопутствовали и разногласия двух командующих немецкими силами Роммеля и Рунштедта в тактике обороны побережья. Поэтому, даже когда началось само вторжение, Гитлер не был окончательно уверен, является ли основным высадка десанта в Нормандии или следует ожидать другого в районе Па-де-Кале. Только спустя шесть недель после дня «Д» он разрешил расположенным у Па-де-Кале войскам следовать в Нормандию.

Взвесив все факторы, профессиональные военные обеих сторон заключили, что союзникам осталось только правильно сыграть свою игру, чтобы была принята безоговорочная капитуляция. Но они не учли характера Гитлера, который думал совсем иначе.

Вместо того, чтобы смириться, Гитлер, подражая Фридриху Великому, который в подобной

ситуации смело атаковал превосходящие силы противника и заставил расколоться созданный против него альянс, Гитлер 19 августа отдал приказ «Подготовиться к наступлению в ноябре…», и лично стал готовить «арденнскую ловушку». Свои соображения он изложил генералам – «*Во всемирной истории*, – говорил он им, – *никогда не было коалиции со столь разнородными элементами, со столь диаметрально противоположными целями. Ультра капиталистические государства с одной стороны, ультра марксистское государство – с другой. На одной стороне умирающая мировая империя, временно поддерживаемая одной из своих бывших колоний, стремящейся овладеть наследством. Соединённые Штаты намерены занять место Великобритании в мире, а Советский Союз стремится захватить Балканы, Дарданеллы и Персию.*

Эти три государства уже сейчас ссорятся друг с другом, и большая победа на Западном фронте с треском разрушит их искусственный союз».

Главного, при открытии «второго фронта» не получилось, сепаратные переговоры были сорваны из-за твёрдой позиции Советского Союза, руководство которого знало о закулисных делах союзников с фашистскими бонзами. И тогда фюрер решил показать свою силу Западу, совершив неожиданный удар в Арденнах.

Как отмечал фельдмаршал Герд фон Рунштедта, что «*Следует напомнить, что Арденнское наступление было спланировано во всех его деталях, включая участвующие в нём воинские соединения, график времени и цели, самим фюрером*». И надо понять, что если бы афера удалась, и немцам удалось захватить порт Антверпен, их танки находились от него в 100 км, то военные усилия союзников, и так уже серьёзно ослабленные в виду трудностей коммуникационного характера, могли бы быть подорваны.

Начавшееся 16 ноября 1944 года немецкое контрнаступление в Арденнах явилось полной неожиданностью для союзников и застало их врасплох. Об этом западные историки предпочитают умалчивать.

«Битва за выступ», как окрестили это наступление немцы в Арденнах, поставило союзников в тяжёлое положение. Американские соединения, большинство которых только прибыло на фронт, были сломлены. О тяжести положения свидетельствует письмо У. Черчилля к И. Сталину – «*На западе идут очень тяжёлые бои…*, – писал Черчилль. – *Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт, после временной потери инициативы… Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление… в течение января… Я считаю дело срочным*».

Опять, как во времена первой мировой, русский солдат своей кровью выручал западных союзников. Но кто сегодня помнит об этом? Лавры союзникам, а шипы русским!

Во всех случаях, главная составляющая любого блицкрига, неожиданность и внезапность, приносят свои плоды. Но при этом, писал военный теоретик фон Мольтке «*Было бы заблуждением представлять себе, что план какой-нибудь кампании может быть определён на много вперёд и с точностью осуществлён. Первое же столкновение с неприятелем создаёт новую ситуацию в зависимости от результата. Некоторые намеченные планы могут оказаться неосуществимыми, а другие, которые сначала казались невозможными, становятся исполнимыми*».

Но кто сегодня помнит о разумных выводах прошлого? Все хотят учиться на своих ошибках, и это относится в первую очередь к Западу.

Я не стремился к глубокому изучению этого вопроса, а только парой примеров хотел напомнить об

уроках прошлого.

Блокада

Этот военный термин представляет удушение противника различными способами. Именно это и предполагала блокада Ленинграда в 1941-1944 гг. немецко-фашистскими захватчиками, более того – полное его уничтожение. Начатая 8 сентября 1941 г., она усилиями всего советского народа и армии была снята 27 января 1944 г. Эта дата объявлена Днём Воинской Славы России.

Мне дорог этот День по многим причинам. Защищая Ленинград, мой отец получил смертельное ранение, но сумел выкарабкаться и дожить до 80-х. Моя жена ребёнком пережила те страшные годы и стала моей спутницей на всю жизнь. А я, закончив в Ленинграде Высшее военно-морское училище и прослужив на Северном флоте 23 года, волею судьбы мы попали в Подмосковье. Но душой мы всегда в Ленинграде, хотя сегодня он и называется Санкт-Петербург.

Сегодня уже нет в живых тех, истинных защитников Ленинграда, с которыми мне посчастливилось петь застольные песни, но память о них жива и в моей семье, и в семьях моих знакомых. Беззаветный патриотизм поколения, не дрогнувшего в войну, не струсившего и не предавшего Родину, заслуживает глубочайшего уважения у всех нас, ныне живущих. И пока жива память о человеке, жив и он сам…

Я много слышал рассказов от участников тех страшных дней, о которых трудно всё поведать, но вот впечатления высказать можно. Смысл их был один – победу над хорошо вооружённым и сильным врагом одержали простые русские люди, солдаты и офицеры, многие из которых ушли на фронт почти со школьной скамьи. Одержали победу ценой собственной жизни, ценой собственной крови. Почти всё поколение 1920-1922 года рождения погибло на войне, защищая Родину, решая один жизненно важный вопрос: быть или не быть России? Выжили и вернулись единицы…

Вспоминается то, что одной из любимых послевоенных песен была «Ленинградская застольная»:

Будут в преданиях во веки прославлены
Наши полки под Невой,
Наши штыки на болотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.

В этой песне сосредоточена вся героика битвы за Ленинград. Написанная авторами, она стала народной, многовариантной, но во всех вариантах упоминаются Синявинские высоты и болота, где было пять попыток прорыва блокады, но только пятая под кодовым названием «Искра»

(12.1–30.1.43 г.) частично увенчалась успехом.

Подготовка этой операции началась сразу после Сенявинской наступательной (19.8–10.10.42 г.), которая завершилась неудачно, как и предыдущие три в 1941-42 гг. Окончательный вариант плана этой операции был утверждён Ставкой Верховного Главнокомандования 2 декабря 1942 года. Иосиф Сталин предложил назвать её «Искрой», от которой должно было «возгореться освобождение Ленинграда».

Её целью был разгром группировки противника южнее Ладожского озера и восстановление сухопутных коммуникаций (железнодорожного узла Мга), связывающих Ленинград со страной.

В этом месте два фронта Ленинградский и Волховский разъединял выступ всего в 15 км, вот его и решено было прорвать. Противник понимал значение этого выступа в блокаде Ленинграда и укрепил его по высочайшему классу фортификационного искусства и оборудования.

Две большие высоты венчают Синявинскую гряду на торфяных болотах: одна 43.3 и вторая 50.1. Немцы обжили эти высоты и плато между ними, превратив в крепостной форт. С этого «бараньего лба» на 15-20 км просматривались и простреливались все торфяные болота в секторе 180 градусов до Ладожского озера. Владение высотами позволяло контролировать обширную территорию шлиссельбургско-синявинского выступа от Ладожского озера на Севере до реки Мга на юге. И силы противника, главным узлом обороны которого были позиции на Синявинских высотах были немалыми – 9 пехотных дивизий, многочисленная артиллерия и авиационная поддержка с воздуха. Вот эту оборону предстояло прорвать советским войскам…

Наконец 18 января в этих посёлках произошло соединение частей двух фронтов, но дальнейшего продвижения в сторону деревни Синявино и станции Мга не получилось. Противник непрерывно перебрасывал в этот район свежие силы и сумел удержать Синявинские высоты. С 19 по 30 января сюда было подтянуто 5 дивизий и большое количество артиллерии.

Чтобы исключить возможные попытки врага восстановить блокаду, войска 67-й и 2-й ударной армии, соединившиеся в ходе операции «Искра», по приказу Ставки перешли к жёсткой обороне на рубеже севернее и восточнее городка им. Кирова, южнее Рабочего посёлка № 6 и севернее Синявино… Пробитый вдоль берега коридор шириной 8-11 км восстановил прямую сухопутную связь Ленинграда со страной.

В течение 17 суток по берегу были проложены железная и автомобильная дороги. Правда, они находились под прямым прицелом врага, поэтому движение по ним происходило в основном ночью. Но главная цель операции «Искра» была достигнута – вражеская блокада была прорвана.

Прорыв блокады Ленинграда явился переломным моментом в битве за Ленинград 1941-1944 годов. С января 1943 г. инициатива ведения боевых действий под Ленинградом окончательно перешла к советским войскам. Резко улучшилось положение города. Была устранена угроза соединения немецко-фашистских и финских войск, что уменьшило аппетиты Финляндии. Около 19 тысяч советских воинов были награждены орденами и медалями, а 25 человек удостоены звания Героя Советского Союза.

Выше я нарисовал фон операции, написанный в официальной истории и книгах, но был ещё и другой, неофициальный, в воспоминаниях участников тех событий, которые видели тот кошмар, не зная подлинных замыслов высшего командования, но выполняли только свою малую задачу – Дойти до той высоты и закрепиться там! Но как пройти, казалось-то всего каких-то 500 метров? Это легко, когда сидишь в кабинете и анализируешь события. Недаром в народе шутят – Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны! Нет, история выглядела бы совершенно по другому, если бы

опиралась на рассказы участников и очевидцев событий, а не только на сухие архивные документы.

Вот, например, воспоминания и переживания дяди Гриши, выжившего на Синявинских болотах в 1943 году и потерявшего там ногу? Он не мог сдерживать слёз, рассказывая о своих друзьях-товарищах, оставшихся там навечно. «Они стоят передо мною как живые: молодые, здоровые, отважные ребята. Все до конца выполнили свой долг и ушли, а я колека остался!..».

Дядя Гриша проживал в нашей большой коммунальной квартире на Васильевском острове, где мы всегда попадали на праздник освобождения Ленинграда, когда в январе приезжали в отпуск с Севера. Тогда ещё в 60-е годы прошлого века не было Дней Воинской Славы, но ленинградцы традиционно праздновали освобождение своего города от блокады. Ещё много было в живых участников битвы за Ленинград.

Праздник отмечался в последнее воскресенье января. Потому что с работой тогда было строго, и был только один выходной в неделю. Мы с дочкой и многие жильцы квартиры ехали на Пискарёвское кладбище, оставшиеся готовили общий праздничный стол. Застолье всегда открывал дядя Гриша традиционным тостом:

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград
Пробирался болотами, горло сжимая врагу.

Потом шли разговоры, воспоминания о прожитых страшных днях, на смену которым приходили хоровые песни, из которых любимыми были «Ленинградская застольная» и «Артиллеристы Сталин дал приказ…».

Там я от дяди Гриши услышал о схватках пехотинцев в труднейших условиях лесисто-болотистой местности. О том, что каждый рядовой понимал свою ответственность за судьбу страны. Среди фронтовиков бытовала поговорка: «Бей сатану! Ударишь на Неве, отдастся на Дону!». «Мы знали, – говорил дядя Гриша, – что и мы решаем судьбу Родины здесь, у стен Ленинграда». И это были не высокопарные слова, а идущие от сердца…

Дядя Гриша рассказывал вещи, о которых не пишут в отчётах. При штурме Синявинских высот люди гибли, но цеплялись за жизнь, укрываясь трупами своих друзей. – «Мы в редкие минуты затишья, между шквальными обстрелами, оставшиеся в живых, подползали к мёртвым товарищам, подтягивали их один к одному и делали из них брустверы, чтобы укрыться за ними для очередного броска… Иногда завязывались и рукопашные схватки, в которых побеждала злость, которой у нас было больше». Я тогда не мог понять, как у человека, пережившего такое, не было потеряно человеческое начало. А что такое, яростные штыковые атаки, я знал ещё от отца, о которых он рассказывал в наши школьные годы. И эти рассказы с юношеского возраста вызывают у меня дрожь и сегодня, как и рассказы дяди Гриши, которые я слышал в периоды ленинградских застолий. Да, эти рассказы очевидцев более впечатляют, чем приглаженные официальные данные.

Уходят годы, меняются поколения. Уже нет тех, кто непосредственно участвовал в битве за Ленинград, кто пережил блокаду в зрелом возрасте, мало уже осталось и людей, которые, как моя жена, в малом возрасте пережили этот кошмар блокады. Нет уже и тех застолий-воспоминаний, где слёзы на глазах выступали от рассказов наших отцов, но жива ещё память, хотя и официальная, приглаженная властями в угоду себе любимой.

Бег времени неумолим, возможно всё уйдёт в прошлое, но блокада Ленинграда останется в веках, доказательство тому, разрушенный римлянами Карфаген (146 год), которого уже нет более 20 веков, но он существует в памяти человечества.

Главное в истории – народная память!

Третье место (бронза) и звание лауреата. **Брагин Никита Юрьевич**. 1956 года рождения, москвич, выпускник МГУ. Доктор геолого-минералогических наук. Член Союза писателей России.

Победитель (золотой лауреат) нашего конкурса 2018 года в номинации «Поэзия»).

Кроткое сердце

Повезло моему поколению. Родившиеся спустя десять лет после окончания войны, мы сами могли пострадать от нее, потеряв родных, никогда нами не виденных, но мы не были свидетелями тех ужасов, трагедий и разрушений, что принесла война. Но при этом нам довелось знать, видеть и слышать еще не старыми тех, кто войну пережил и прошел. В наше время даже очень старый

человек, появляющийся в пиджаке, увешанном блестящими металлическими предметами, вызывает двойственное чувство. А тогда – тогда все было иначе…

С Герасимом Павловичем Сенниковым я познакомился в 70-х годах – благодаря его сыну, с которым мы учились в одной группе в Московском университете. Я знал, что Герасим Павлович прошел всю войну – что ж, и мой двоюродный дедушка, незадолго до того умерший, тоже всю войну прошел. Это тогда было таким будничным, обыкновенным фактом – ведь ветеранов войны было тогда очень и очень много.

Разные это были люди. Герасим Павлович среди множества ветеранов войны не казался примечательным. О его военном прошлом ничего не напоминало, он, кстати, не надевал орденов, и даже не носил орденских планок, вообще был необыкновенно скромен. Только зная о его судьбе, можно было попытаться представить его на войне, да еще можно было заметить, что он иногда прихрамывает. В то же время Герасим Павлович производил впечатление мирного, даже удивительно тихого и кроткого человека, причем эта кротость происходила не из забитости или униженности, нисколько – она была естественной частью его натуры. Он просто был очень добрым человеком.

Беседуешь с ним, а он тихим голосом, с необычным для уроженца вятского села грассирующим выговором рассказывает что-нибудь о жизни, о делах, о своих поездках по стране – ему очень нравилось путешествовать по рекам на байдарке, вместе со своими друзьями и коллегами по работе. О войне он рассказывать, как мне кажется, не любил, во всяком случае, я сам помню, что Герасим Павлович лишь в редких случаях говорил при мне об этом. Но все-таки, благодаря близкому знакомству с его сыном, я в общих чертах знаю боевой путь Герасима Сенникова, и считаю необходимым рассказать об этом.

Он был призван в армию еще до войны, в 1940 году. Большинство из этого призыва (как и вообще весь состав кадровой армии) потом погибло в первые месяцы войны, редко кто дожил до победы. Война началась для Герасима Павловича уже 26 июня 1941 года. Ему пришлось изведать всю тяжесть первого, самого трагического года войны. Завершался 1941 год уличными боями на окраинах Тулы, здесь Герасим Павлович был тяжело ранен. Сапоги ему достались с широковатыми голенищами, и так случилось, что в щель между ногой и голенищем влетел раскаленный осколок… Ранение было тяжелым, лечиться пришлось очень долго. Лишь поздней осенью 1942 года Герасим Павлович вернулся на фронт – в самый разгар Сталинградской битвы, отражать немецкое контрнаступление, предпринятое для деблокады армии Паулюса.

После этого была Курская битва, а весной 1944 года – наступление в Крыму. И тогда был короткий период войны, о котором Герасим Павлович все-таки сказал несколько слов – «Это были хорошие дни, очень хорошие. Мы наступали, а немцы отступали к Севастополю почти параллельно нам, по ровной степи. И мы в них не стреляли, и они в нас, и было тихо и спокойно».

Вот слова солдата, прошедшего через ад нескольких крупнейших битв всей Второй мировой войны: Московской, Сталинградской и Курской. И здесь, как мне кажется, яснее всего проступает его характер, его личность – человека терпеливого, спокойного, мирного и незлобивого. А ведь впереди были штурм Сапун-горы и освобождение Севастополя, завершившееся разгромом врага на херсонесских берегах. А, кроме того, тогда или позже были еще два ранения…

После завершения боев в Крыму часть, в которой служил сержант Сенников, перебросили на новое направление, и так ему пришлось принять участие в операции «Багратион» в Белоруссии, а затем были Литва и, наконец, Восточная Пруссия. И здесь у меня появляется возможность привести документы войны – наградные листы гвардии сержанта Сенникова:

«В боях в Прибалтике и в Восточной Пруссии тов. Сенников показал умение и находчивость, командуя 76 мм орудием. За эти бои орудие, которым он командует, уничтожило 2 станковых пулемета и до 15 гитлеровцев.

В последнем бою за местечко Боркен, 2.02.45 г., тов. Сенников выкатил свое орудие на прямую наводку и в упор начал расстреливать гитлеровцев, готовившихся пробиться к местечку. В этот день тов. Сенников отразил 2 контратаки немцев, уничтожив при этом 2 станковых и 1 ручной пулемет, истребив до 20 гитлеровцев.

Тов. Сенников смелый и энергичный младший командир. Достоин правительственной награды – ордена «Красная Звезда»»

Командир 9 гвардейского стрелкового ордена Суворова полка гвардии подполковник Новиков. 8 февраля 1945 года.»

«Тов. Сенников на фронте с 1941 года. Он отстаивал Тулу, очищал Донбасс, Крым и Прибалтику. А сейчас показывает образцы мужества в боях в Восточной Пруссии. Так, в недавних боях за м. Гермау 15.04.45 года тов. Сенников под шквальным огнем противника держал непрерывную связь переднего края с огневыми позициями батареи, что облегчало и уточняло ведение огня артиллеристами. При штурме опорного пункта Ротинен 16.04.45 года тов. Сенников, находясь в боевых порядках, истребил из своего автомата трех гитлеровцев.

Достоин правительственной награды – ордена Отечественной Войны 2-й степени.

Командир 9 гвардейского стрелкового ордена Суворова полка гвардии подполковник Кургузов. 23 апреля 1945 года.»

Необходимое добавление. Большая часть недавно рассекреченных документов Министерства Обороны, касающихся награждений во время войны, относится к её завершающему периоду – 1944-1945 годам. В начале войны награждали редко. Это нисколько не умаляет ценность орденов, которыми наградили в конце войны. Но этот факт заставляет задуматься – сколько таких эпизодов войны было в предыдущие годы, сколько было подвигов, оставшихся не отмеченными ни наградами, ни записями. Только наш День Победы – общий памятник им.

Война для Герасима Павловича Сенникова завершилась взятием порта-крепости Пиллау (ныне Балтийск) в конце апреля 1945 года. И об этом, последнем эпизоде он как-то кратко сказал – «вот там мы их страшно разгромили, перебили без счета». И сейчас, когда пишу этот очерк, ясно-ясно вижу его, сидящего в своей квартире на Арбате с любимым котом на коленях. И думается – вот этот самый человек, небольшого роста, с негромким грассирующим голосом, такой мирный и домашний, вот он – стрелял из пушки в упор по атакующему врагу, разил из автомата. Как же страшна война, и как прекрасна может быть душа человеческая. И как много отняла война, и как много труда потребовалось от тех, кто прошел войну, и остался жив, и был способен трудиться.

После войны Герасим Павлович учился, освоил профессию. Он был специалистом по кино- и

фотоматериалам, разрабатывал новые методики и технологии, часто и много ездил по заводам, где производили фото- и кинопленку, в том числе, одним из мест его постоянных командировок был старинный русский город Переславль-Залесский. Работал он в Москве, был ведущим специалистом Всесоюзного НИИ кинематографии, кандидатом химических наук. Несмотря на увлечение туризмом и вообще активную и здоровую жизнь, ему уже на рубеже 70-80 годов бывало нелегко – сказывались лишения военного времени и последствия ранений (трижды он был ранен за войну). Тем не менее, он прожил необычайно долгую жизнь и даже встретил семидесятилетие Победы.

Ему и его однополчанам мы обязаны не только победой над страшным врагом, но и тем, что Восточная Пруссия стала Калининградской областью, частью России. Четыре поколения русских солдат сражались на этой земле. Напомним о них. Это герои трудной победы над прусской армией при Гросс-Егерсдорфе, ожесточенных сражений с Наполеоном при Прейсиш-Эйлау и Фридланде, трагедии в Мазурских болотах в 1914 году, наконец, триумфа в Кенигсберге и Пиллау. И, вспоминая все это, хочу закончить так – пусть враг больше не приходит на эту землю, что стала русской благодаря нашим героям. Если же придет, пусть в ней упокоится. Да, русское сердце доброе и кроткое, да, мы незлобивы и скромны. Но побеждают не блистательные Зигфриды и грозные Конаны, а простые труженики войны.

Третье место (бронза) и звание лауреата. **Гальцова Дарья Николаевна** – родилась в 1998 году. Студентка филологического факультета Воронежского государственного университета. Занимается диалектологией, краеведением. Увлекается фотографией. Проживает в селе Старый Курлак Воронежской области. Победитель (золотой лауреат в номинации «Дебют») 2020.

Поздравляем Дарью Николаевну! Перейдя во взрослую категорию конкурса, она не потерялась, а заняла своё место среди маститых мастеров слова.

Это наша с тобой биография

(интервью с ветераном)

В жизни каждого человека, наверняка, бывают встречи, забыть о которых просто невозможно. Они врезаются в память, будоражат мысли, не дают уснуть! В них вдруг находишь ответы на вопросы, которые давно не давали тебе покоя. Такой памятной встречей стала для меня беседа с ветераном Великой Отечественной войны, бывшим учителем Константином Яковлевичем Колмаковым.

А произошло всё как всегда, неожиданно и просто: вручение от дома культуры поздравительной открытки участнику войны.

Уже потом я долго думала над тем, почему мне, да и моим сверстникам тоже, обязательно нужны толчки из вне, почему не сама догадалась? Почему?. Почему?..

Разговор с этим человеком очень увлёк меня. Передо мной постепенно разворачивалась грандиозная панорама событий «сороковых-роковых», открывалась биография человека, чья судьба совпала с историей своей страны.

По-военному чётко начинает нашу беседу фронтовик:

– Я, Колмаков Константин Яковлевич, родился в селе Новый Курлак на улице Речная, 11 июня 1922 года.

Невольно ловлю себя на мысли: «Ему уже за 90… Не верится… Сохранилась военная стать, ясность мысли».

– А о чём Вы мечтали до войны, Константин Яковлевич?

– Хотел стать лётчиком. Тогда многие мальчишки об этом мечтали. Я даже прошёл комиссию, оформил документы и отправил в Серпуховское военное училище. Но в августе 1939 года получил извещение, что в связи с тем, что мне не исполнилось 18 лет, зачислен быть не могу.

– А Вы помните, как началась война?

– Конечно. Помню…

После этих слов я взглянула вновь на лицо ветерана и … О Боже! Вот они – глаза шолоховского героя, «словно присыпанные пеплом». Тоска, боль, тревога – всё было в них.

– Я помню это лето. Июнь 1941 застал меня в Воронеже. Я отправился туда на заочную сессию в педучилище. 22 июня я решил пойти отдохнуть в кинотеатр «Пролетарий». Шёл фильм «Песнь о любви». Трамвайная остановка была на площади перед громкоговорителем. Вдруг в громкоговорителе щелчок: «Внимание! Говорят все радиостанции Советского Союза. Через несколько минут слушайте сообщение … Молотова».

– 15 октября1941 года я получил повестку явиться в военкомат в Садовое. И пошёл…

И пошёл русский солдат отсчитывать свои фронтовые вёрсты.

Теперь, когда я слышу из уст простого солдата названия тех городов, посёлков, деревень, через которые он шёл, я совсем иначе начинаю понимать слова из известной песни: «Пол-Европы прошагали, полземли…»

Елань – Колено, Курск, Вальск, Привольск, Могилёв, Москва, Калинин, Сталинград, Поворино, Паньшино, Камышин, Казань, Масловка, Воронеж, Борисоглебск. И везде он – мой земляк, мой герой, мой солдат! Вот он устраивается в попутных сёлах на ночлег, вот он в землянке, вот мёрзнет зимой в овраге, роет окопы, строит шалаши, идёт по лесам и болотам. Неужели это всё ОН? Это же только в книжках!.. Так не бывает! Не может выдержать всё это простой человек! Или может? Тогда, что же ему помогает? Что даёт ему силы не сломаться, когда он несёт на своих плечах станковый пулемёт (станок – 32 кг, тело (ствол) -24 кг, щиток – 12 кг, ящики с патронами по 8 кг). Каждый боец нёс попеременно что-то из частей пулемёта «Максим». А ещё винтовку со штыком, противогаз, скатку из шинели, вещмешок? Ответ на мои вопросы оказывается до боли прост. «Мы шли защищать Родину» – говорит Константин Яковлевич.

Не знаю, в какой момент рассказ солдата перерастает в исповедь. Открыто, без утайки, как на духу… Я вижу, как важно для него поделиться пережитым и сокровенным. Он не пытается приукрасить себя, он говорит, как было.

– Станция Привольск. Там стояло эвакуированное военное училище из Могилева. Я в нём учился до мая 1942 года. Трудно было. Морозы были сильные. Головы покрывали только пилотки. А всё изучалось на улице, в каком-нибудь овраге. Ведь тесно было в казарме. В 2-3 этажа спальные места. Питание курсантское, но по сокращённым нормам. Например, манная каша с изюмом, но

две ложки. Молодому организму не хватало питания. Иногда мы после еды сразу становились в очередь за добавкой. Однажды стою за добавкой, оглянулся назад, а за мной стоит Макаров Иван Ильич (дедушка вашего учителя Макарова Н.А.). Я его знал, конечно, земляки. Узнали друг друга, обнялись. Он здесь был на трехнедельных курсах политбойцов. После этой встречи больше не виделись до конца войны. Я и он остались живы.

– Константин Яковлевич, – спрашиваю я, – а Вы видели немцев? Вы участвовали в настоящих сражениях?

– Да, видел… И в бою быть довелось. Я служил в пехоте. Был ранен на третий день. 23 августа 1942 года нашему 74 полку приказали вступить в бой. Паньшино – стратегически важный объект. Если попадёт в руки врага, Сталинград лишится связи с другими городами. Утром приказали нам атаковать. Зарядил пулемёт. Глянул немцы метрах в двухстах. Идут во весь рост, засучив рукава. Это была психическая атака. Нас было мало, увидев немецкую цепь солдат, мы открыли огонь. Вдруг взрыв, пулемёт перевернулся вверх, а из правой кисти руки – кровь. Указательный палец повис, и второй палец сильно повреждён. Я хотел подняться, но неимоверная боль в руке не дала.

Я быстро кинула взгляд на его руку… Вот она живая история, открывается прямо передо мной. Мне видно, как волнуется рассказчик, как трудно ему вспоминать, но он продолжает:

– В начале ноября 1942 года я был комиссован.

Но если вы думаете, что на этом война для Константина Яковлевича закончилась, то ошибаетесь.

– Меня направили служить в запасной полк около Воронежа, в селе Масловка.

– А как Вы узнали о победе?

– С 11 июня 1944 по 8 мая 1945 я служил в том полку. 8 мая улеглись в казарме, чтобы отдыхать. Примерно в 4 утра, когда мы спали, вдруг щелчок и включилось радио (лопух). Голос Левитана сообщил, что в пригороде Берлина подписано соглашение о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

Правительство СССР объявило 9 мая всенародным праздником – днём Победы. Наконец-то кончилась война!

Через некоторое время подъём и приказ строиться. Нам объявили о конце войны и сообщили, что получено распоряжение получить новое обмундирование и отправить нас на парад в честь победы в город Воронеж. Мы оделись, сели на машины и поехали. Там нас построили, и мы торжественно промаршировали перед трибунами, на которых находилось местное командование. Так окончилась война. Нас направили на новое место дислокации в город Борисоглебск. Продолжал служить.

Потом приказ демобилизовать солдат – учителей, школы имели большой недостаток учительских кадров. И я как учитель был демобилизован 16 октября1945 года. Так была закончена моя военная эпопея. Началась гражданская жизнь.

– Константин Яковлевич, а хотели бы Вы прожить свою жизнь по-другому? Можете ли назвать себя счастливым?

– Счастливым? Наверное, да. Ведь я выжил в такой страшной войне, прожил достойную жизнь, длиною в 92 года. Учительствовал. От простого учителя истории и географии дошёл до

директора школы.

– А кем бы Вы, кроме учителя хотели стать?

– Спрашиваю себя, и дети спрашивают меня: кем бы ты, кроме учителя хотел стать? У меня было две попытки приобрести другую специальность: летчика и партработника. Теперь считаю, что если б заново начал жить ни за что бы не променял свою учительскую профессию. Сросся и привык вращаться среди детей. Приобрёл опыт и знания быть руководителем школы.

После этого интервью я долго не могла успокоиться, вспоминая слова Константина Яковлевича. И «три хорошо», которыми закончил свой рассказ ветеран, я точно возьму в жизнь:

«Хорошо учиться, хорошо трудиться, хорошо жить».

Звезда по имени Серёжка

…Если звёзды зажигают –
Значит – это кому-нибудь нужно?..
В.В. Маяковский

Здравствуй, Сергей! Здравствуй, мой герой!

Не удивляйся, что уже в самых первых строчках письма неизвестная девчонка призналась, практически, в своих чувствах. Не подумай, конечно, что я часто так делаю. Я не какая-нибудь ветреная «особа». Говорят, в обычной жизни из меня «лишнего слова не вытянешь». Но сегодня не тот случай…

Я пишу тебе, потому что не могу молчать, хотя знаю, что ты никогда не ответишь мне. Это почта в один конец… Ты погиб от смертельной раны, полученной в Афганистане 30 июня 1980 года.

Но я всё равно пишу, потому что свято верю в то, что люди не умирают до тех пор, пока о них помнят. Для меня ты – живой! И моё письмо – прямое доказательство этому. Так что, Серёжка, давай знакомиться!

Меня зовут Даша. Я твоя односельчанка. Так же, как и ты, люблю своё село со странным названием Старый Курлак, нашу речку, впадающую в Дон.

Ты можешь спросить, откуда я это всё знаю? Да просто я читала твои письма, разговаривала с людьми, которые тебя очень хорошо знали, знакомилась с книгами о тебе. Сегодня, мне кажется, что я знаю о тебе всё или почти всё.

В нашем школьном музее есть уголок, посвящённый героям-односельчанам. Среди них и твоё имя – Лукьянов Сергей Михайлович. Из биографической справки, данной в книге «Прощай, шурави» (так местные жители в Афганистане называли военнослужащих ОКСВА) автора В.Руденко, я узнала, что ты «родился 10 августа 1959 года в селе Старый Курлак Аннинского района. Учился в Старокурлакской восьмилетней и Новокурлакской средней школах, в училище города Воронежа.

Работал в Москве на строительстве зданий ТАСС и Главного управления картографии и геодезии. В Вооружённые Силы СССР призван Красногвардейским РВК города Москвы 10 октября 1977 года. Служил в танковых частях в Прибалтике, закончил школу прапорщиков. В Республике Афганистан с декабря 1979 года. Служил в в/ч 44701. 24 июня 1980 года во время вывода воинской части из Афганистана получил ранение…»

А дальше мне не хочется цитировать… Потому что это не справедливо! Так не должно быть!..

Молодой, красивый, умный… недожил, недолюбил, «недокурил последней папиросы»…

Хотя я знаю, у тебя, Серёжка, свой взгляд на жизнь. В одном из писем ты напишешь: «Жизнь не стоит на месте, всё движется вперёд, всё меняется: одни умирают, другие идут на смену». Интересно, мог ли ты тогда предположить, что на «смену» тебе придут так быстро? Я думаю, конечно, нет, ведь у тебя было столько планов! Но всё же твоё спокойствие, рассудительность, понимание вечных законов бытия меня удивляют и восхищают одновременно. Мне кажется, ты уже тогда внутренне был готов к любому повороту в жизни, а это, по-моему, уже проявление силы духа.

Ты знаешь, я часто задаю себе вопрос: «Как становятся героями? Неужели ими, действительно, рождаются?» Узнав о твоей жизни, наверное, я готова ответить: «Героями – рождаются!»

Уже с детства ты был не похож на остальных своих сверстников. По воспоминаниям твоих одноклассников, ты всегда был самым серьёзным и усидчивым. С девчонками был вежлив. Не боялся брать на себя ответственность. Постоянно участвовал во всевозможных мероприятиях. А некоторые эпизоды из твоей жизни меня просто покорили.

Ты помнишь тот учебный год, когда ко дню рождения В.И. Ленина у тебя принимали Ленинский зачёт? Так вот, если ты забыл, я напомню: тогда ты, Сергей, вместе с другими ребятами написал, что будешь ходить зимой в лес и подкармливать животных. Но самое удивительное в том, что, несмотря на единодушное решение, ходил-то в лес ты один.

А помнишь спор между тобой и ребятами, когда ты сказал, что сможешь в зубах донести до калитки ведро воды? И ведь донёс же!

Ты знаешь, Серёжка, мне иногда даже становится страшно от того, что я в своей жизни могу не встретить человека, похожего на тебя. Ведь я уверена, что любая девочка мечтает о таком красивом, добром, романтичном парне, как ты. Если уж влюбиться, то по-настоящему, навсегда, чтобы только смерть могла разлучить.

Помнишь, Сергей, в девятом классе, когда ты перешёл учиться в новую школу, познакомился с девушкой Надей, которая была на один год моложе тебя. Тот новогодний вечер Надежда запомнила на всю жизнь. Она в наряде цыганки хотела в шутку погадать тебе. Ты протянул руку и… словно током обожгло Надю. Она увидела: линия жизни короткая. Но разве верят молодые гаданиям? В тот вечер родилась любовь.

История твоей любви, Сергей, и Нади – это целый роман в письмах. Большинство из них ты начинал со слов «Дорогая моя, здравствуй! Пишет тебе твой Серёжка». Не Серёга, не Сергей, а Серёжка… Как трогательно и нежно звучит это имя с суффиксом -к-. Вот так просто – «Серёжка», и в этом имени всё: и нежность, и искренность, и полное доверие, и какая-то тайна, которую вы знали только вдвоём.

Не один десяток писем ты напишешь своей будущей жене, и в каждом из них ты будешь раскрываться для меня по-новому.

Вот письмо, которое ты напишешь своей любимой из Москвы. В нём ты с юмором выражаешь своё недовольство по поводу того, почему 8-е Марта – красное число в календаре, а 23 февраля – «чёрное» («Вот и думай, где тут равноправие»). И ты вынужден будешь «с горя» завтра пойти на хоккей, где будет играть «ЦСКА» с «Химиком». Да уж… «горе» – посетить Лужники, увидеть игру известных команд. Ты, Серёжка, шутник!

А в письме из Калининграда, где ты проходил срочную службу, подробно, буквально по часам пропишешь «солдатский день», начиная с подъёма и заканчивая отбоем. Не могу сдержать улыбку: представляю, как это было «интересно» читать Наде, которая, наверняка, ждала других слов от тебя.

Но будут и другие слова, полные романтики, нежности, тоски по родине.

Не могу без слёз читать письма из Афганистана. Вот простой русский парень, впервые увидевший горы, не может сдержать восхищения: «Вокруг нас горы до 5 тыс. км… Горы – просто прелесть! Вершины все в снегах, а внизу уже давно цветут подснежники. Первые весенние цветы».

А сколько нежности и заботы я почувствовала в твоих словах, адресованных маме. Ты спрашиваешь у Нади: «Как там мама, постарела, наверное? Годы идут, наши матери стареют, мы становимся взрослыми».

В письмах из Афганистана – много планов на будущее. Даже предложение любимой ты сделал в письме: «Не знаю, что ты напишешь, но, я думаю, что когда приеду в отпуск, я женюсь на тебе. Я это уже решил твёрдо». После этих строк мне стали понятны слова Нади (теперь Надежды Сергеевны, учительницы из города Воронежа), которая сказала: «Я не боялась за него, двадцатилетнего, замуж выходить, он знал, что ему нужно в жизни… О таких говорят: натуристый – это люди из породы победителей, для них главное – что я сам могу сделать…»

Вы сыграли свадьбу в мае, на День Победы, когда ты пришёл в отпуск из Афганистана. Семейная жизнь оказалась длиною в медовый месяц. 10 июня 1980 года ты уехал, а 24-го был ранен при выводе воинской части.

Говорили, что с таким ранением, как у тебя, долго не живут, а ты целых пять дней не сдавался смерти…

С тех пор уже прошло много лет. 15 февраля 1989 года генерал Громов последним покинул Афганистан. «За его спиной не осталось ни одного советского солдата», – писала газета «Комсомольская правда». Но остались навечно вписанными в книгу Памяти 13833 русских солдата, среди которых есть и твоё имя, Серёжка.

В 2009 году в нашей школе прошло торжественное открытие мемориальной доски в честь воина – интернационалиста Сергея Лукьянова. Среди приглашённых гостей была и Надежда Сергеевна, твоя Надя. Потом она расскажет нам о вашей общей звезде, которую ты как-то выбрал на небе. Кстати, Надя до сих пор часто разговаривает с ней.

А вчера я тоже весь вечер пыталась найти на небе ту звезду. И мне кажется – нашла… Она самая яркая. Я назвала её «Серёжка». Теперь это и моя звезда. Она обязательно укажет мне верный путь в жизни.

Прощай, «шурави»! Прощай, солдат!

Я буду помнить о тебе всегда! Обещаю.

Даша.

Звание дипломанта. **Синицкий Геннадий Николаевич –** родился в 1973 году. Член Союза писателей России, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», член литературно-художественного клуба «Шкатулка».

Победитель (дипломант) нашего конкурса 2020. Живёт в городе Невель Псковской области.

Бабушкино детство

(воспоминания)

Ещё остались живые свидетели фашистской оккупации, их мало, но они есть, а ещё есть люди, которые прошли сквозь ужас лагерей смерти, те, кто хлебнул горя по самое донышко. Я была в шаге от этого ада, но Господь уберёг меня.

22 июня 1941 года в деревне Сурмы, что была когда-то частью Топорского сельсовета, играли свадьбу староверы Вороновы. От соседнего села Мякинчино к нашим домам вилась дорога по

крутой горе. Так вот, в самый разгар свадьбы, мы увидели, как по ней бежит человек, шибко бежит, аж пыль столбом за ним тянулась, как хвост. Сушь тогда стояла неимоверная. Всем сразу стало ясно, что-то случилось, ведь мужики по деревне не бегают просто так.

– Война, война с немцами, – задыхаясь, выпалил сельчанин.

Все тот час и обомлели, ошарашенные известием, опосля ринулись к своим домам радио слушать. У нас в хате тоже имелся этот чёрный кругляшок на батарейках, «Рекорд», по–моему, назывался. Через репродуктор мы узнали, что всем мужчинам 1905–1918 годов рождения необходимо срочно явиться в сельсовет.

Отец собрался за пять минут. Мать в плач… Мы с сестрой ещё долго за папкой бежали, ревели навзрыд, а он остановится, посмотрит в глаза каждой, пожалеет ладонью по голове и дальше молчком. Он так и не вернулся, погиб где-то под Белостоком в 1944 году.

Туго нам пришлось, когда пришли немцы. Помню, как они гарцевали на мотоциклах по нашей горе. У каждого губная гармошка. Но остановились они в деревне Парахны, а у нас только полицаи жили. Почти каждую ночь у них шли перестрелки с окруженцами да партизанами, от этих стычек половина домов в деревне сгорело. От страха мы прятались всей семьёй в яме, что выкопали за домом, а днём было относительно спокойно. Деревня располагалась у самого леса, поэтому население выгоняли на спил кустов и деревьев, чтобы видимость подходных путей к ней была до двух километров.

У нас была корова, одна единственная на всю семью – наша кормилица. Очень берегли её. Днём она была с нами, а на ночь мы отводили её за пять километров, в Парахны. Днём полицаи с немцами обирали народ, а ночью приходили партизаны. И одним и другим надо было обязательно что-то дать, то овцу заберут, то яичко, то варежки надо, то соль, хлеб, спички. Не дашь, так они сами отберут, а то и расстреляют. Вот так, меж двух огней и жили. Спустя некоторое время партизаны увели от нас корову. Вообще туго стало. Но выжили, сумели как-то, помилуй Бог.

Полицаи лютовали пуще немцев, много их было в нашей местности. Вели себя нагло, надменно, а перед фашистами стелились, как собачонки. Бывало, зайдут в дом и просят маму связать носки для фрица, чтобы подмаслить «хозяину», а если прознают, что ночью в доме партизаны были, так на двор тянут, на расстрел, а я, малютка несмышлёная, катаюсь у них в ногах, плачу: «Не стреляйте мамоньку, не стреляйте…».

Осенью сорок третьего один немец предупредил: «Уходите в лес, прячьтесь, вас скоро погонят в Германию, а деревню сожгут». Не удивляйтесь, были и такие немцы. Так мы чуть ли не всей деревней ховались на острове, что на озере близ деревни Сивцево. Нас нашли полицаи и выдали, выслуживались псы проклятые. Стали вертать назад, а дорога через болото по настилу сгнивших брёвен. Одна из женщин была беременна, звали её Горелова Мария Петровна. С ней три девочки было: Лена, Нюша и Шура. Так вот она как-то оступилась и ввалилась в тину по самые плечи, еле вытянули её. Но вот какое дело, то ли от страха, то ли время подошло, но в деревне Мосеево, куда нас пригнали, она родила девочку. А ни пелёнок, ни какой-либо одёжки ведь нет. Откуда там взять что-то можно было. Завернули, что под руку попало, и погнали нас дальше, через деревню Репище, на Трехалёвский большак. Мы шли долго и после каждой деревни, что попадалась нам по пути, колонна становилась длиннее. Как я уже сказала, время было осеннее, октябрь, аккурат в канун Покрова. На станции Маево нас должны были погрузить в вагоны, состав уже был собран и стоял под парами, но партизаны взорвали мосты чуть ли не по всей округе. Повезло нам тогда. Много позже мы узнали, что в это самое время шла «рельсовая война», а неделей ранее уже был освобождён наш районный центр.

С поездом у фрицев не получилось, и нас погнали в Германию пешком. По дороге перебивались, чем могли. Настенька – сестра моя старшая, то в дом какой забежит, выпросит у хозяев кусок хлеба или горсть зерна, то листья соберёт, то боб или горох где отыщет – это и хрупали. Спаси и помилуй. Наступила зима, а на мне были резиновые сапожки, ведь одеты все были по-осеннему. В какой-то деревне удалось раздобыть старые валенки, так я прямо в сапогах в них и нырнула. Всю зиму нас гнали куда-то на запад, и к весне сорок четвёртого мы оказались на хуторах, глубоко в Прибалтике. Я многого не помню, я всего лишь была маленькой девочкой, пяти лет отроду. Подробности о которых я сейчас рассказываю, мне рассказала мама, много лет позже, когда я уже что-то понимала в этой жизни. В марте сорок пятого наши войска нас освободили. Счастье было превеликое, плакали абсолютно все, нас даже не пугало пешее возвращение. Снег уже начинал подтаивать. Валенки на мне разваливались на глазах. В каком-то населённом пункте нам повстречалась добрая женщина. Она предложила пожить у неё, но мы торопились домой. Тогда она дала нам на дорогу самовыпеченную буханку хлеба.

Идти было тяжело, дороги ведь никто не чистил, местами даже проваливались по пояс. В одном селе нам повстречался мальчик, который тянул за собой саночки. Мама предложила ему хлеб в обмен на них. Он замялся на минуту, а потом сказал:

– Здесь полозок в одном месте сломан, – и показал где. Но мама согласилась и на такие. Где-то в районе города Себежа около нас остановилась полуторка и солдаты предложили подвезти. Это были сапёры, они направлялись в деревню Турки–Перевоз на разминирование. Ну, а дальше нам оставалось рукой подать до дома.

Двадцать семь дворов были сожжены подчистую, лишь голые трубы печей встречали нас. Стоя у пепелища, я прижалась к матери и спросила:

– Мамочка, можно мне супчика сделать? Очень, очень хочется. Пусть даже кислого.

– Доченька, как я тебе его сделаю, видишь, всё сгорело.

– Мамуля, мы ведь в печке суп варили, печка-то целая…

Первое время жили в землянке. Настенька сапёрам помогала, они ей подарили за это две большие гильзы и ящик из-под снарядов. Этот ящик служил нам и шкафом и столом одновременно, а в гильзах мы воду носили, и кушать готовили. Перекапывали поля, искали прошлогоднюю картошку. Перемёрзшая, при варке она сразу разваливалась, поэтому приходилось добавлять к ней липовый лист. Колоски собирали, крапиву, рвали листья на деревьях, потом всё это, как следует, рубили и ели такую кашицу. Мыться тоже негде было, да и нечем, мыло по тем временам казалось роскошью, вши и чесотка были кругом. Мама кидала в кипяток золу, потом ждали, пока отстоится, этим и мылись.

В деревню стали возвращаться мужики, в основном покалеченные, кто без пальцев, без руки или ноги. Мария Горелова тоже вернулась со своими девочками, но от жизни в землянке, её малютка покрылась какой-то корью и вскоре умерла.

Начинали восстанавливаться колхозы. Первым делом закапывали траншеи на полях, а потом сеяли. Помню, как взрослые впрягались в длинную жердину, на конце которой был плуг: трое справа, трое слева – так и пахали самотугом. Несколько позже из Германии пригнали коров, и наша Настя приступила к работе дояркой на ферме. За трудодень ей давали пол-литра молока – большое подспорье в те годы.

В 1946 году я пошла в школу, она находилась в нескольких километрах от нас в деревне Мешово.

Далековато было, конечно, одежды практически не было, а обуви и подавно. Ходили босиком до поздней осени. Поутру морозец прихватит, ножкам холодно, так мы остановимся, пописаем на них, чуть отогреются, и дальше бежим.

Вот так и жили. И ничего ведь, смогли, выдюжили всё и детей подняли с внуками, потому что ценили жизнь, умели и любили работать.

Добавить комментарий

Комментарии